

БАРНАУЛЬСКИЙ РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КАК ЗВЕНО В УПРАВЛЕНИИ МЕСТНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Исследована сфера и характер деятельности Барнаульского распорядительного комитета. Проанализированы инициативные предложения комитета и его отдельных членов по изменению порядка функционирования системы местного хозяйства. Выявлена роль Томского губернского управления как контрольно-надзорного органа, утверждающего постановления комитета. Опираясь на строгое законодательство, губернное управление сдерживало многие начинания комитета, в то же время не допуская явных нарушений с его стороны.

Ключевые слова: местное хозяйство; уездный распорядительный комитет; губернное управление.

В условиях отсутствия в Сибири земских органов власти вопросами организации местного хозяйства (содержание транспортных коммуникаций, народное образование и здравоохранение) занимались несколько институтов. Среди них важнейшую роль играли уездные распорядительные комитеты. Для исследования был выбран Барнаульский комитет, поскольку уезд был самым густонаселенным и наиболее экономически развитым в Томской губернии начала XX в. К тому же сохранившиеся архивные документы наиболее полно отражают работу именно этого учреждения.

Истории местного управления в Сибири и Томской губернии уделено большое внимание исследователей. Наиболее изученным является губернский уровень власти. Можно указать на работы А.В. Ремнева [1] и А.В. Палина [2]. Сфера низового крестьянского самоуправления также достаточно исследована [3]. Уездная власть, особенно в разрезе её включенности в управление местным хозяйством, практически не изучалась. Исключение составляет институт крестьянского начальника, изучению которого уделено существенное внимание [4–6]. Пытаясь восполнить данный пробел, автор обратился к вышеуказанной теме. Целью статьи является исследование сферы и характера деятельности уездного распорядительного комитета, его взаимоотношений с вышестоящими органами власти в Томской губернии в начале XX в. Работа построена на анализе делопроизводственной документации.

Деятельность уездных распорядительных комитетов, их взаимоотношения с губернским управлением и волостными правлениями являлись основополагающими факторами в функционировании системы местного хозяйства в губернии. На примере работы Барнаульского распорядительного комитета можно реконструировать механизмы принятия решений, обнаружить разногласия между его членами, вскрыть суть противоречий между комитетом и губернским управлением. Деятельность комитета в основном опиралась на положения «Устава о земских повинностях» [7]. В его задачи входило администрирование натуральных земских повинностей – их раскладка и контроль за должным исполнением. Состав комитета не был постоянным. Как правило, в заседаниях принимали участие от одного до пяти крестьянских начальников, податные инспекторы одного или двух участков. Председательствовал уездный исправник

или его помощник. В отдельных случаях в состав собрания входили представители Алтайского округа, Переселенческого управления и другие чиновники. Заседания комитета, на которых решались вопросы раскладки повинностей на трехлетие, были наиболее многолюдными. Кроме перечисленных чинов, в них участвовали представители самоуправления г. Барнаула и всех волостей уезда [8. Л. 2; 9. Л. 52, 54–55, 72; 10. Л. 6]. В документах отмечаются факты нарушения дисциплины со стороны членов комитета. В марте 1910 г. председатель уездного распорядительного комитета жаловался губернатору на невозможность привлечь к регулярному участию в работе комитета крестьянских начальников уезда. Чиновник констатировал, что было несколько случаев отказа крестьянских начальников первого и второго участков от участия в заседаниях комитета. Отказы мотивировались тем, что на заседаниях рассматривались дела, касающиеся волостей других участков, либо дела, находящиеся вне компетенции крестьянского начальника. В качестве иллюстрации председатель комитета приводил случай срыва торгов, назначенных к проведению в феврале 1910 г. на заседании комитета. Торги на отдачу постройки зданий Бердской сельской лечебницы не состоялись из-за отказа крестьянского начальника Войниловича принять участие в работе комитета. Крестьянский начальник объяснял свое поведение тем, что «производство торгов его не касается и принимать участие в таковых он не имеет права» [11. Л. 54].

Основным вопросом, для решения которого требовались затраты значительного количества сил и времени, был вопрос о составлении расписания повинностей на трехлетие. Анализируя архивные документы, удалось реконструировать деятельность Барнаульского уездного распорядительного комитета по решению этого вопроса на протяжении первого десятилетия XX в. До 1905 г. в Барнаульском уезде действовало расписание, составленное на трехлетие 1899–1901 гг. Попытки составить новое расписание, предпринятые в сентябре 1901 г. и в июне-июле 1903 г., не увенчались успехом. Они не были утверждены Томским губернским управлением [8. Л. 7 об.]. Последнее не получило одобрения губернского начальства ввиду особого мнения одного из крестьянских начальников уезда [Там же. Л. 2]. На заседаниях в январе и марте 1904 г. было составлено новое расписание на трехлетие 1905–1907 гг., которое и было утверждено губернской администрацией [Там же. Л. 2–7]. Позднее

оно было продолжено до 1908 г. с разрешения Губернского управления [12. Л. 116–118]. В декабре 1909 г. распорядительный комитет просил Томское губернское управление сообщить, каким расписанием руководствоваться в 1910 г., «ныне действующим на трехлетие с 1905 г. расписанием или новым, находящимся на рассмотрении». Комитет выражал беспокойство тем, что с 1904 г. произошли изменения, образовались новые волости, поэтому желательнее скорейшее введение в действие нового расписания. Губернское управление предписало руководствоваться действующим расписанием, пока не утверждено новое [9. Л. 128–128 об.]. Комитетом были дважды составлены расписания на трехлетие 1909–1911 и 1910–1912 гг. Одна из сессий комитета состоялась в мае 1909 г. [11. Л. 1]. Однако Губернское управление, рассмотрев эти документы в декабре 1908 г. и апреле 1910 г., оставило их без утверждения ввиду «неправильного распределения... повинностей». Наконец, составлено было расписание на трехлетие 1911–1913 гг., которое и было утверждено в ноябре 1910 г. Этим документом уезд руководствовался самое продолжительное время. Известно, что в декабре 1913 г. расписание, составленное комитетом на трехлетие 1914–1916 гг., находилось на рассмотрении Губернского управления [12. Л. 118]. Даже в начале марта 1917 г. оно еще не было утверждено высшим начальством [13. Л. 6 об.].

Кроме составления трехлетних расписаний, уездный комитет решал и другие вопросы. В частности, рассматривал просьбы и ходатайства от сельских и волостных обществ, а также от чиновников уезда. Так, в 1904 г. было рассмотрено прошение крестьян с Меретского Малышевской волости, «о предоставлении льгот по отбыванию повинности по опалке лесов» [8. Л. 10 об.]. В октябре 1908 г. волостными старшинами был возбужден вопрос о постановке в г. Барнауле «за счёт всего уезда пяти пар лошадей для сотников и разных волостных должностных лиц» [9. Л. 52]. Часто предметом обсуждения становилось изменение статуса трактов. Так, в 1904 г. было заслушано предложение пристава четвертого стана об открытии нового земского тракта и обсуждена рекомендация мирового судьи четвертого участка об изменении одного из существующих земских трактов, что позволило бы сократить расстояние на 13 верст [8. Л. 6 об.].

Распорядительный комитет мог выходить с ходатайствами в Томское губернское управление. В 1904 г. комитет ходатайствовал о «принятии» переправы через р. Обь близ с. Красноярского Екатерининской волости на счет сумм губернского земского сбора. Мотивом служило то обстоятельство, что перевоз находился на почтовом тракте [Там же. Л. 7]. Так же было возбуждено ходатайство об отнесении переправы через р. Обь около г. Барнаула по Барнаульско-Томскому почтовому тракту на счет губернского земского сбора. До этого перевоз содержался дворянином Платоновым за плату, что являлось нарушением закона [Там же. Л. 10]. В мае 1909 г. членами комитета обсуждался вопрос о том, как поступать с теми, кто не желает исполнять возложенные на него натуральные повинности. Было принято решение просить Томское

губернское управление разрешить применение практики земских губерний России, а именно в указанных выше случаях волостные правления исполняли бы натуральные повинности «наймом в счет виновных с производством взыскания с них беспорядком» [9. Л. 72]. Губернское управление не смогло самостоятельно разрешить данный вопрос и переадресовало его в Главное управление по делам местного хозяйства МВД [Там же. Л. 73–73 об.].

Обычной практикой было рассмотрение и утверждение комитетом смет на постройку мостов. В феврале 1907 г. Барнаульским уездным распорядительным комитетом рассматривались сметы на постройку и ремонт мостов в семи волостях уезда. Все сметы за исключением одной были утверждены. Комитетом было принято решение разложить стоимость работ на население всех волостей уезда пропорционально числу «годных работников» [14. Л. 13–16]. На заседании уездного распорядительного комитета в марте 1908 г. были рассмотрены присланные крестьянским начальником сметы на постройку новых и ремонт старых мостов в Бердской волости. На ремонт шести мостов сметы были сверстаны полностью. На предполагаемое строительство четырёх новых мостов была составлена только одна смета. Три моста не были оценены совсем, поэтому комитет принял решение о возвращении неполной документации на доработку [Там же. Л. 50].

Торги на отдачу подряда постройки тех мостов, которые строились на средства всего уезда, также контролировались комитетом. Так, в декабре 1909 г. уездный распорядительный комитет не утвердил торги по причине нарушения законодательства и превышения сметной цены [15. Л. 688]. Иногда требовалось принимать экстренные решения. В ночь с 17 на 18 апреля 1910 г. «от пущенных палов» сгорел мост через р. Зудилину по Барнаульско-Ново-Николаевскому почтовому тракту в Шаховской волости. Подряд на постройку временного моста по составленной смете был спешно сдан с торгов. Журналом уездного распорядительного комитета от 25 апреля торги были утверждены. Мост в течение 10 дней был построен и 6 мая принят от подрядчика [16. Л. 101].

Представляется интересным изучить разногласия, возникавшие между уездным распорядительным комитетом и Губернским управлением. В декабре 1908 г. губернское управление рассматривало расписание повинностей по уезду на трехлетие 1909–1911 гг. Ряд положений документа вызвал несогласие со стороны губернских чиновников. Согласно закону этапная повинность должна была исполняться силами населения уезда. Но, распорядительный комитет постановил часть нагрузки переложить на средства губернского земского сбора. Более того, предлагалось продать все этапные помещения и деньги поместить в банк на счет комитета. Опираясь ссылками на «Устав о земских повинностях», губернское управление разъясняло недопустимость вышеуказанных установлений [17. Л. 399–399 об.]. Одной из «любимых» идей уездных распорядительных комитетов, в том числе и Барнаульского комитета, было стремление привлечь городское население к несению земских повинностей. На вышеуказанном заседании общего присутствия Том-

ского губернского управления подобное предложение вызвало весьма эмоциональный ответ. Распорядительный комитет постановил привлечь г. Барнаул к несению натуральной повинности в размере 1/11 части всех повинностей по уезду. Были даже детально расписаны обязанности города с указанием земских станций, дорожных участков и земских квартир, которые должны были содержаться за счет города. Кроме того, комитет предполагал возложить на Главное управление Алтайского округа «устройство и содержание мостов на земских трактах, содержание которых не превышает 200 руб.» [17. Л. 400, 405 об.]. Томское губернское управление своим решением отменило данное постановление комитета. В пояснительной части было указано, что распорядительный комитет «неизвестно на каком основании руководствовался правилами отбывания сказанных повинностей в местностях, где введено в действие положение о земских учреждениях». Более того, губернские чиновники обратили внимание комитета на то, что он «незаконно присвоил себе права и обязанности Уездной земской управы и Уездного земского собрания» [Там же. Л. 400]. Следует указать, что дискуссия по этим вопросам не была исчерпана в рамках переписки между Барнаульским распорядительным комитетом и Томским губернским управлением. В марте 1909 г. один из членов комитета, крестьянский начальник второго участка Барнаульского уезда А.П. Стрельман обратился к губернатору с жалобой по поводу отмены губернским управлением вышеуказанного постановления. Свое несогласие чиновник аргументировал обширными ссылками на законодательство [9. Л. 22–27]. В июле 1910 г. от доверенных Бажовского и Пovalихинского сельских обществ Белоярской волости на имя министра внутренних дел были отправлены жалобы на упомянутое постановление Томского губернского управления [11. Л. 114–119]. Несмотря на то, что жалобы были поданы от имени сельских обществ, многочисленные ссылки на законодательство и сам стиль изложения заставляют усомниться в их авторстве и заподозрить в составлении прошений крестьянского начальника.

В ходе работы Барнаульского распорядительного комитета обсуждались нововведения. Так, в марте 1904 г. было заслужено мнение крестьянского начальника третьего участка С.Г. Лаптева. Чиновник высказался о введении в уезде прогрессивной системы учета гоньбы по «так называемой, талонной системе, подобно тому, как введено в Пермском земстве и в одном из уездов Тобольской губернии». Система заключалась в следующем: каждый проезжающий, кроме открытого листа, имеет талонную книжку, выданную распорядительным комитетом. На каждой земской станции он выдает её содержателю талоны с указанием числа взятых лошадей. На уплату жалованья делается предварительная и приблизительная раскладка на полугодие, согласно ей собираются средства в волостные правления. Один раз в полугодие подсчитываются талоны и выясняется, сколько было выплачено волостными правлениями жалованья ямщикам. После чего одни волости доплачивают другим, чем достигается большая уравнительность. Кро-

ме того, с помощью данной системы можно было бы иметь точные сведения о разгоне лошадей по станциям [8. Л. 7]. Несмотря на очевидную пользу талонной системы, члены распорядительного комитета отвергли эту идею. Во-первых, она вызовет неудобство проезда лиц, едущих из соседних уездов; во-вторых, на введение системы нет разрешения начальства; в-третьих, ямщики непременно будут нелегально приобретать у проезжающих лишние талоны. «По отзыву лиц, служивших в последнее время в Тобольской губернии, талонная система уже отменена там», – высказался один из противников данного новшества [Там же. Л. 7 об.]. В Барнаульском уезде талонная система была одобрена позднее, на совещании уездного исполнительного комитета с представителями волостей уезда 24–26 ноября 1917 г. [18. Л. 19 об.].

Особенно много предложений по изменению практики функционирования местного хозяйства было сделано во время сессии уездного распорядительного комитета в сентябре 1908 г. Так, было предложено содержать на средства всего уезда земские квартиры в селениях, где располагались волостные правления. Кроме того, предлагалось на средства уезда содержать и ремонтировать все речные переправы. Для этого необходимо было собирать деньги с населения, тем самым натуральная повинность была бы переведена в денежную. Это не допускалось законом, и губернское управление не одобрило данные нововведения [17. Л. 405]. Распорядительным комитетом выдвигалось предложение о приглашении на службу в уезд строительного техника с окладом 1 500 руб., который бы выплачивался ему из общеуездных средств. Даже эта рациональная и полезная мера, способствовавшая более качественному строительству и ремонту мостов, не была поддержана губернским управлением. Новые повинности и должности могли вводиться в уездах только в законодательном порядке [Там же. Л. 405 об.]. В феврале 1914 г. на заседаниях комитета было признано необходимым все повинности «переложить на деньги» за исключением исправления дорог и опалки боров [19. Л. 3]. Однако и это начинание не увенчалось успехом.

Борьба взглядов шла не только между распорядительным комитетом и губернским управлением. Столкновение мнений наблюдалось и внутри комитета. Расписание повинностей, составленное Барнаульским уездным распорядительным комитетом в июне – июле 1903 г., не было утверждено Томским губернским управлением ввиду замечаний крестьянского начальника первого участка Б.И. Войниловича. Оформленное в виде отдельного документа, особое мнение чиновника было приложено к журнальному постановлению комитета. Суть критических суждений состояла в том, что распределение натуральных повинностей в уезде было произведено крайне неравномерно. В частности, крестьянский начальник, указывал на то, что для пятой части населения уезда были установлены дорожные участки, находящиеся в 300–400 верстах от их места жительства. Войнилович предлагал произвести разделение уезда на отдельные самостоятельные участки сообразно с характером местности и экономическими условиями жизни. Он

указывал на необходимость выяснения точной стоимости содержания земских лошадей на каждой станции; на обязательность привлечения к подводной повинности «непричисленного» населения [8. Л. 2]. Комитет не прислушался к его соображениям, но губернское управление признало их справедливыми и настоятельно рекомендовало использовать при составлении нового расписания. Распределение повинностей на трехлетие 1905–1907 гг. было составлено на сессиях распорядительного комитета в январе и марте 1904 г., причем замечания Войниловича легли в основу данного документа [Там же. Л. 2–10].

Столкновение разных точек зрения можно было наблюдать в ходе уже упомянутой сессии распорядительного комитета в сентябре 1908 г. Так, комитет постановил считать все дороги, соединяющие волости с Барнаулом, а равно и волости между собой, земскими трактами. При этом предлагалось «исправлять их наравне с почтовыми трактами», на средства всего уезда. С этим положением не согласился крестьянский начальник А.П. Стрельман, который призывал ограничить число земских дорог. По его мнению, опыт истекшего трехлетия показал, что стремление к равномерному распределению нагрузки и стремление к улучшению дорог не дали результата. Дороги, ставши земскими, лучше не сделались. Причина, по словам крестьянского начальника, заключалась в невозможности для «настоящего состава администрации иметь энергичный надзор и энергично понуждать население к соответственному исправлению столь значительного количества земских дорог». Пришлось следить только за исправлением по-настоящему земских дорог (на г. Барнаул, на г. Бийск и к железной дороге), поддержание которых «силоу вещей требует фактического, а не номинального отбывания повинностей». Этим нарушилось равномерное распределение нагрузки. Если не ограничить число земских трактов, указывал чиновник, то «в ближайшее будущее поступят требования о постройке за счет уезда мостов на новых земских трактах, получившихся вследствие образования в течение предыдущего трехлетия новых 22 волостей». Крестьянский начальник обратил внимание комитета на тот факт, что в прошедшем трехлетии уже было уплачено уездом на строительство мостов около 100 000 руб. Такие расходы, по его мнению, могли сказаться на успехах сбора казенных податей [17. Л. 401 об.–402]. Подверглась критике практика возведения на общеуездные средства всех мостов стоимостью свыше 200 руб. Это приводило к строительству сооружений, необходимость в которых была крайне малой. Весь уезд, по мнению Стрельмана, платил за мосты, расположенные на дороге, соединяющей всего две волости. «Причем, именно на таких трактах было построено большинство мостов в истекшем трехлетии», – резюмировал чиновник. В пример он привел Николаевскую волость, где в течение одного года строилось 12 мостов. К мнению крестьянского начальника присоединились старшины восьми волостей подведомственного ему участка [Там же]. Крестьянский начальник высказал своё мнение по поводу организации земской гоньбы. В частности, он усомнился в

точности сведений о количестве выгнанных лошадей на земских станциях за прошлые периоды. Единственным источником данных служили отчеты волостных старшин, заинтересованных в увеличении количества земских лошадей в своих волостях. По словам чиновника, самое большое количество выгнанных лошадей приходилось на волостных рассыльных, развозящих пакеты. Это количество могло быть сокращено при использовании земской почты. Введение этого института на участке Стрельмана уже привело к сокращению разгона лошадей в волостях его участка. Поэтому ориентироваться на цифру выгона лошадей, указывал крестьянский начальник, будет несправедливо для его волостей. Нужно учитывать географическое положение, действительную потребность, расстояние до других станций. Комитет не принял это предложение и установил число пар, «согласуясь с прошлым периодом» [17. Л. 403].

Свое несогласие с постановлением распорядительного комитета высказывал и его председатель. В мае 1909 г. Барнаульский уездный исправник М.Н. Белоносков в рапорте на имя губернатора указал на «неосновательность» составленного трехлетнего расписания натуральных повинностей. Чиновник назвал «не отвечающим требованиям жизни и интересам населения» постановление комитета о сокращении числа земских трактов. По словам исправника, дороги эти имеют важное значение и проходят по густонаселенной местности. Десятки лет они именовались земскими трактами и содержались за счет населения всего уезда. Они были приведены в хорошее состояние, на них было сооружено много дорогостоящих мостов. Отдельным селениям, при условии признания дорог только проселочными, будет не по силам поддерживать их в надлежащем виде, и потому сооружения эти неизбежно «должны будут прийти в разрушение, а сами дороги в запущение», – констатировал Белоносков. Для Барнаульского уезда, указывал исправник, «занимающего громадную площадь и не имеющего железнодорожных и, в большей своей части, водных путей, крайне необходимо иметь хотя бы удовлетворительные колесные дороги». Поэтому желательнее не сокращение оборудованных дорог, а напротив того, увеличение их. Губернатор поддержал мнение председателя распорядительного комитета [11. Л. 1–2]. Рассмотренные выше суждения крестьянского начальника Стрельмана были одобрены губернским управлением. Согласно его мнению, в трехлетнем расписании повинностей было сокращено количество земских трактов. Однако это, в свою очередь, вызвало несогласие председателя комитета, которое разделял губернатор. В итоге в ноябре 1910 г. губернским управлением было утверждено расписание на трехлетие 1911–1913 гг., которое и просуществовало до революционных потрясений 1917 г. [12. Л. 116–118].

Таким образом, автором установлено, что состав Барнаульского уездного распорядительного комитета не был стабилен. Количество участников заседаний колебалось, достигая максимума при решении наиболее важного вопроса о раскладке повинностей на трехлетний период. Комитет предпринимал попытки поддерживать актуальность данного расписания, од-

нако новая раскладка вводилась не каждое трехлетие. Такая нерегулярность была вызвана отказом Томского губернского управления утверждать документы, принятые комитетом. В итоге можно увидеть, что расписание, составляемое на три года, действовало четыре, пять и даже семь лет. Распорядительный комитет занимался «текущей работой»: рассматривал ходатайства по изменению порядка функционирования местного хозяйства, сам выходил с просьбами в вышестоящее учреждение. Одной из обязанностей комитета являлось утверждение смет и подрядных торгов на работы, осуществляемые на средства населения всего уезда. Мнения распорядительного комитета и губернского управления не все-

гда совпадали. Часто именно эти разногласия служили причиной задержки ввода в действие новых расписаний. Комитет проявлял активность, предлагая меры по более равномерному распределению повинностей, расширению контингента их исполнителей. Внутри распорядительного комитета также возникали противоречия, которые иногда выходили за его пределы. Столкновение мнений, предлагаемые новшества в организации местного земского хозяйства, говорят об инициативности данного учреждения. Начинания уездного распорядительного комитета во многих случаях разбивались о консерватизм губернского управления, связанного строгими законодательными нормами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997. 253 с.
2. Палин А.В. Томское губернское управление (1895–1917 гг.): структура, компетенция, администрация. Кемерово, 2004. 188 с.
3. Почервин Е.В. Низовая административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX в. – 1917 г.). Бийск, 2013. 285 с.
4. Яргаев М.Х. Институт крестьянских начальников в Забайкалье и на Дальнем Востоке (1901–1917 гг.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2004. № 2. С. 107–113.
5. Залобовская Т.А. Крестьянские начальники Забайкальской области // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 7 (21) : в 3 ч. Ч. 1. С. 76–80.
6. Гильденберг В.Н. Хозяйственно-финансовая деятельность крестьянских начальников по материалам губернских ревизий в Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в. // Омский научный вестник. 2012. № 3 (109). С. 26–28.
7. Свод законов Российской империи : в 5 т. СПб., 1899. Т. 4. С. 97–169.
8. Государственный архив Алтайского края (далее ГААК). Ф. 65. Оп. 1. Д. 1.
9. Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. 3. Оп. 19. Д. 1510.
10. ГАТО Ф. 62. Оп. 1. Д. 214.
11. ГАТО Ф. 3. Оп. 19. Д. 1546.
12. ГААК Ф. 198. Оп. 1. Д. 59.
13. ГАТО Ф. 3. Оп. 12. Д. 1635.
14. ГАТО Ф. 62. Оп. 1. Д. 93.
15. ГААК Ф. 32. Оп. 1. Д. 892.
16. ГАТО Ф. 62. Оп. 1. Д. 147.
17. ГАТО Ф. 3. Оп. 23. Д. 43.
18. ГААК Ф. 233. Оп. 1. Д. 48.
19. ГААК Ф. 65. Оп. 1. Д. 237.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 мая 2017 г.

THE BARNAUL COUNTY ADMINISTRATIVE COMMITTEE AS PART OF THE LOCAL ECONOMY MANAGEMENT IN TOMSK PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 119–124.

DOI: 10.17223/15617793/420/16

Evgeniy V. Pocherevin, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: pev2@mail.ru

Keywords: local economy; county administrative committee; provincial government.

The purpose of the article is to study the activities of the county administrative committees and their relations with the provincial government. These processes were the main factors in the functioning of the local economy in the province. In particular, the author examined the work of the Barnaul County Administrative Committee. The study has benefited from archival materials of office-work nature. The author shows that the Committee did not have a stable composition. As a rule, from one to five peasant heads, tax inspectors and other officials of the county took part in the meetings. Representatives of all counties of the county attended the Committee meetings, devoted to drawing up a schedule for the correction of natural duties for the triennium. The article describes the Committee's attempts to maintain the relevance of this schedule, but the new layout was not introduced every three years. This irregularity was caused by the disagreement of the Tomsk provincial government with the provisions fixed in this document. Thereby, the schedule, compiled for three years, operated for four, five and even seven years. The ordinary activities of the Committee were the consideration of requests and petitions from rural communities and officials of the county. In some cases, the Committee itself went with petitions to the Tomsk provincial government. A common practice for the Committee was to review and approve the estimates for the construction of bridges. The author pays special attention to the attempts of the Committee to attract the urban population and the Main Directorate of the Altai District to carry out local duties. One of the discussions between the Barnaul County Administrative Committee and the Tomsk provincial government went beyond correspondence between these institutions. Peasant head A.P. Strohlman appealed to the governor with a complaint about the cancellation by the provincial administration of the resolution of the Committee, organized the filing of complaints on behalf of rural societies to the Minister of Internal Affairs. The author believes that the proposals of the Committee or its individual members were reduced to a more even distribution of duties among the population of the county. There were also contradictions within the Administrative Committee, which sometimes went beyond it. The author comes to a conclusion that the clash of opinions, attempts to introduce innovations into the organization of local economy indi-

cate the initiative of this institution. However, the initiatives of the County Administrative Committee, in many cases, broke up by the conservatism of the provincial government, bound by strict legislative norms.

REFERENCES

1. Remnev, A.B. (1997) *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika vtoroy poloviny XIX – nachala XX vekov* [Autocracy and Siberia. Administrative policy of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Omsk State University.
2. Palin, A.V. (2004) *Tomskoe gubernskoe upravlenie (1895–1917 gg.): struktura, kompetentsiya, administratsiya* [Tomsk Provincial Department (1895–1917): structure, competence, administration]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
3. Pocherevin, E.V. (2013) *Nizovaya administrativno-sudebnaya sistema v Altayskom okruge (konets XIX v. – 1917 g.)* [Lower administrative and judicial system in the Altai region (end of the 19th century – 1917)]. Biysk: Altai State Academy of Education.
4. Yargaev, M.Kh. (2004) Institut krest'yanskikh nachal'nikov v Zabaykal'e i na Dal'nem Vostoke (1901–1917 gg.) [Institute of Peasant Leaders in Transbaikalia and the Far East (1901–1917)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. 2. pp. 107–113.
5. Zalyubovskaya, T.A. (2012) Krest'yanskie nachal'niki Zabaykal'skoy oblasti [Peasant leaders of the Trans-Baikal region]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 7 (21):1. pp. 76–80.
6. Gil'denberg, V.N. (2012) Khozyaystvenno-finansovaya deyatel'nost' krest'yanskikh nachal'nikov po materialam gubernskikh reviziy v Tobol'skoy gubernii v kontse XIX – nachale XX v. [Economic and financial activities of peasant chiefs based on materials of provincial audits in Tobolsk Province in the late 19th – early 20th centuries]. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 3 (109). pp. 26–28.
7. Russian Empire. (1899) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii: v 5 t.* [Code of laws of the Russian Empire: in 5 vols]. Vol. 4. St. Petersburg.
8. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 65. List 1d. File 1. (In Russian).
9. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 19. File 1510. (In Russian).
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 62. List 1. File 214. (In Russian).
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 19. File 1546. (In Russian).
12. State Archive of Altai Krai (GAAK) Fund 198. List 1. File 59. (In Russian).
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 12. File 1635. (In Russian).
14. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 62. List 1. File 93. (In Russian).
15. State Archive of Altai Krai (GAAK) Fund 32. List 1. File 892. (In Russian).
16. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 62. List 1. File 147. (In Russian).
17. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 23. File 43. (In Russian).
18. State Archive of Altai Krai (GAAK) Fund 233. List 1. File 48. (In Russian).
19. State Archive of Altai Krai (GAAK) Fund 65. List 1. File 237. (In Russian).

Received: 04 May 2017